

Кожокин Евгений Михайлович

доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России, г. Москва,

kozhokin@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(XIX — НАЧАЛО XXI вв.)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31678 «Становление российской политической идентичности через преодоление исторических разломов в отечественной ментальности».

Историки и политологи, изучающие политическую культуру или сознание людей настоящего и письменного прошлого в XXI в., оказались в ситуации, принципиально отличающейся от той, что существовала в гуманитарном знании в прошлых веках. Сейчас появилась возможность за краткий период времени подвергнуть анализу тексты огромного количества людей. Созданы корпуса основных национальных языков, включающие в себя сотни миллионов словоупотреблений. Не является исключением и русский язык. Лингвисты институтов РАН, Санкт-Петербургского и Воронежского государственных университетов при поддержке компании Яндекс разработали и сделали общедоступным Национальный корпус русского языка (НКРЯ). На 2 июня 2020 г. основной корпус НКРЯ включал 322 миллиона словоупотреблений, его газетный корпус — 305 миллионов словоупотреблений.

Тексты XIX в. в НКРЯ распределяются следующим образом [Дич, 2005. С. 89–93]:

Таблица 1

Сфера функционирования	% словоупотребления
Художественная	66%
Публицистика	18,9%
Учебно-научная	7,2%
Бытовая	4,3%
Церковно-богословская	3,4%
Официально-деловая	0,2%

Особенности такого феномена ментальности как политическая идентичность на данный момент следует изучать, используя возможности, которые предоставляет Национальный корпус русского языка. При этом мы не абсолютизируем информационный потенциал этого огромного профессионально подготовленного свода текстов. Внутренняя сбалансированность текстов для каждой эпохи специфична. Лучше всего эту специфику понимают историки: многомерность видения прошлого — в идеале наш (историков) профессиональный долг. К тому же историк не может не отдавать себе отчета в том, что даже многотомным собранием сочинений одного автора не исчерпывается его интеллектуальный и тем более психический мир. С другой стороны, историк очень часто сталкивается с проблемой необходимости изучения людей, которые вообще не оставили после себя никаких текстов.

По мнению лингвистов, создавших Национальный корпус русского языка, *«сбалансированность НКРЯ состоит в том, что корпус содержит... все типы письменных и устных текстов, представленные в нашем языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода»* [Национальный корпус русского языка, 2015]. С самым последним утверждением нельзя согласиться, так как коллеги рассматривают феномен языка через призму совокупности дошедших от этой эпохи текстов. Формулу сбалансированности правильнее представлять не в виде корреляции А и Б. (Совокупность всех словоформ определенной эпохи, представленных в НКРЯ обозначена как А, а совокупность словоформ, представленных в текстах изучаемой эпохи и вообще известных науке — как Б.) Устная речь во всем ее многообразии, если только не была кем-либо записана, исчезает безвозвратно. С появлением технической возможности аудиозаписи устная речь стала чаще сохраняться для потомков, к тому же в почти аутентичном виде в отличие от письменной ее фиксации. Тем не менее и сегодня из-за ежесекундного исчезновения миллиардов произнесенных слов многие особенности живого языка остаются неизвестными науке, в том числе его пропорции.

Соответственно все произнесенные и написанные слова в определенный промежуток времени обозначаем как X, и Б составляет небольшую часть этого X.

Наличие нерешенных проблем отнюдь не аннигилирует значение НКРЯ для историков, благодаря данному корпусу субъективность исторического исследования уже сокращается на порядок.

Частота употребления слова в разные эпохи может служить индикатором определенных сдвигов в массовом либо элитарном сознании, но не более того. Характер этих сдвигов с помощью машинной обработки больших данных (big data) пока объяснить не получается. Нужно вновь прибегать к традиционному и всегда очень субъективному методу реконструкции. Совместить эти два подхода мы и попытались в нашей работе.

Идентичность ныне — понятие очень модное и потому эмоционально перегруженное. В данном понятии некоторые авторы видят универсальный ключ к познанию ментальности современных людей и людей прошлого. Другие с помощью этого понятия пытаются представить свою интерпретацию важнейших событий в истории нашей страны; они предлагают не научную концепцию, а метафизическую идеологию. Так, по мнению П. Смирнова (2020), идентичность включает в себя и национальный характер и национальный менталитет.

Такой агглютинирующий подход препятствует анализу всех трех указанных феноменов. Нагружает понятие «идентичность» не присущими обозначаемому им явлению смыслами, понятие оказывается инструментом непригодным для истолкования реальной информации ни содержащейся в исторических источниках, ни в данных современных социологических опросов.

В нашей работе под идентичностью понимается осознание индивидом своей причастности к определенной группе или к надличностному феномену, определяющему (символизирующему) данную группу. Так как нас интересует политическая идентичность, то рассматриваются формы осознания своей сопричастности стране, государству, политической нации, этносу. Одна из простых форм понимания своей включенности в «мы» интересующей нас макрогруппы прослеживается через наличие и использование общего для данной макрогруппы самоназвания. На протяжении более чем трех веков подданные, а затем граждане Российской империи, Российской республики, СССР, Российской Федерации обозначали себя как россияне, русские, советские. Нас интересует, прежде всего, использование слов «русские» и «россияне».

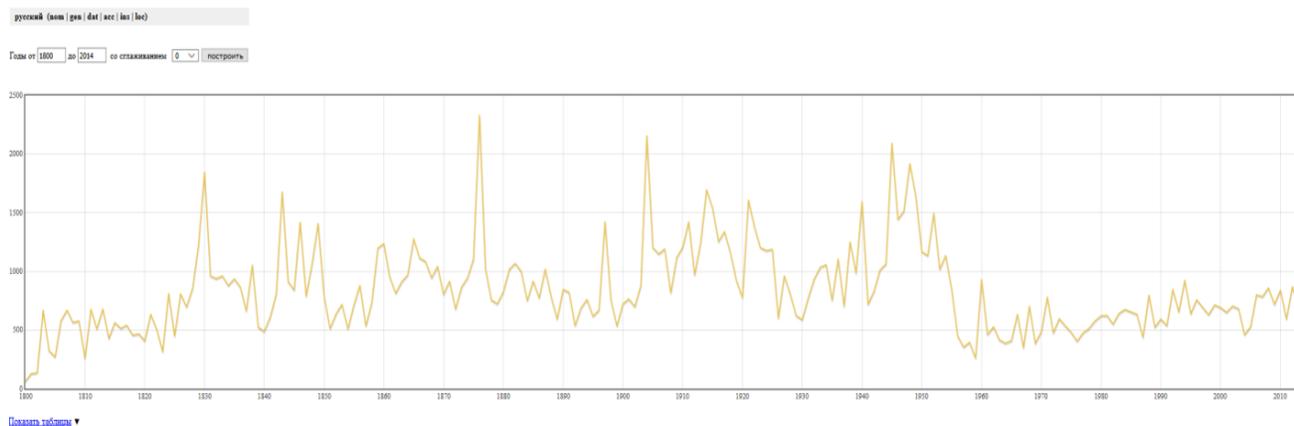

Рис. 1. График употребления слова «русский»¹

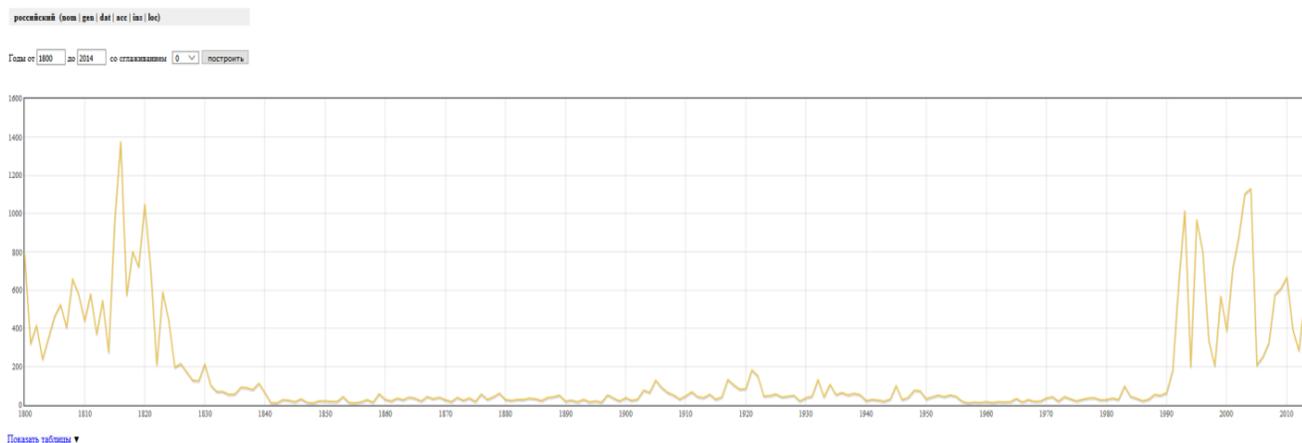

Рис. 2. График употребления слова «российский»²

¹ Национальный корпус русского языка, 2003–2020. URL: [http://search1.ruscorpora.ru/plot.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%F3%F1%F1%EA%E8%E9&gramm1=\(nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc\)&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2=\)](http://search1.ruscorpora.ru/plot.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%F3%F1%F1%EA%E8%E9&gramm1=(nom%7Cgen%7Cdat%7Cacc%7Cins%7Cloc)&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2=))

² Там же.

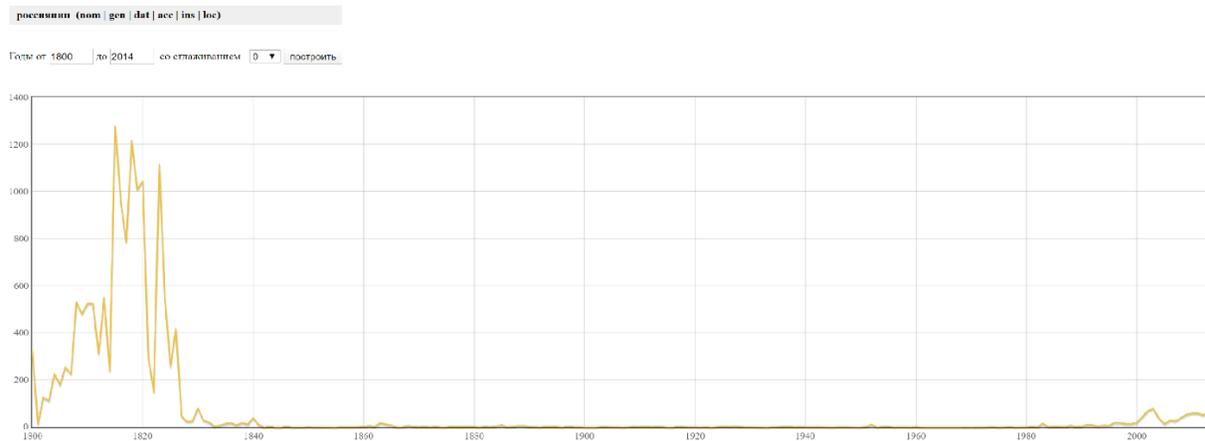

Рис. 3. График употребления слова «россиянин»¹

Графики употребления слов «русский», «российский», «россиянин», составленные на основе НКРЯ, точно указывают, во всяком случае, на одну значимую тенденцию. Слово «россиянин» было в ходу в России в XVIII и в начале XIX в., затем им перестали пользоваться. Вновь оно входит в употребление, но явно не массовое в 90-х гг. XX в. В XXI в. ареал его употребления несколько расширяется.

Вошедшие в НКРЯ тексты XVIII — начала XIX в. — это за редким исключением тексты, написанные дворянами. Их политическая идентичность строилась на бинарной основе: мы и они. Мы — россияне, мы — русские люди, они — все остальные — поляки, шведы, турки, крымские татары... все, кто не относится к подданным российского императора и является его потенциальным врагом. Осознание этнополитической общности было присуще и простому люду, включая крестьянство.

Жившие в России люди дорожили своим государством, при этом терпели от него поборы, злоупотребления, произвол, но не желали подчинения его, а значит и себя внешним силам.

На протяжении XVI–XVII вв. Московскому государству приходилось находиться в состоянии постоянной войны, большей частью военные действия совершались на его территории и имели оборонительный характер. Особой бедой

¹ Национальный корпус русского языка, 2003–2020. URL: [http://search1.ruscorpora.ru/plot.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%EE%F1%F1%E8%FF%ED%E8%ED&gramm1=\(ном%7Cген%7Cдат%7Cacc%7Cинс%7Cloc\)&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2=\)](http://search1.ruscorpora.ru/plot.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%F0%EE%F1%F1%E8%FF%ED%E8%ED&gramm1=(ном%7Cген%7Cдат%7Cacc%7Cинс%7Cloc)&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2=))

для всего населения южных и даже центральных уездов страны являлись набеги крымских татар. Кто такие *мы* и кто такие *они* запечатлевалось в сознании русских людей картинами сожженных и разграбленных городов и деревень, многими тысячами убитых и угнанных в полон. Последний большой набег Крымского ханства на российские земли пришелся на 1768 г. Только присоединение Крымского ханства к Российской империи полностью ликвидировало эту проблему.

Состояние постоянной опасности неизбежно сближало и в то же время приучало уповать на помощь государства в лице государя: только царь мог направить войска и защитить. «Бог и государь» — только на них мог полагаться русский мужик. Бог был свой русский, православный, и царь был свой русский и православный. Можно предположить, какая идентичность вырабатывалась у обитателей совсем беззащитных деревень и сел, или маленьких городков, плохо защищенных чаще всего деревянными стенами поверх земляных насыпей (насыпи до наших дней сохранились в Суздале, Дмитрове, Юрьев-Польском).

Монархизм служил основой для политической идентичности всех сословий Российской империи.

В начале XIX в. значения в семантическом ряду: русский, россиянин, русский, российский в значительной степени совпадали. Можно было сказать и написать не только «русский язык», но и «российский язык»¹. Словом «россияне» можно было обозначить не только своих соотечественников из числа современников, но и своих исторических предшественников. Столь чуткий человек как историк и писатель Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» писал: *«Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас»* [Карамзин, 1991. С. 22–23].

Военно-политическое могущество страны зиждилось на экономическом фундаменте в эпоху до промышленной революции вполне конкурентным по сравнению с экономиками крупнейших европейских государств. Держава, игравшая все более значительную роль в делах Европы и Азии, не просто вызывала интерес у многих иностранцев, было много желающих переехать в ее

---

¹ Так, граф Растопчин писал императору: «Экзамен для производства в статские советники и коллежские асессоры переменить, требуя единственно от чиновников знания российского языка, российских законов, обряда судопроизводства и арифметики» [Цит. по: Дубровин Н., 2006. С. 8].

пределы. Екатерина Великая приглашала на службу и на поселение на новых землях империи немцев, греков, болгар, армян.

Выдающуюся роль в развитии и защите Российской империи сыграли дворяне из числа остзейских немцев. Из их среды вышли выдающиеся полководцы, мореплаватели, государственные деятели России. Среди офицеров русской армии неизменно имелся высокий процент остзейцев, более высокий по сравнению с их процентом в среде дворянства в целом¹.

Столь широкое распространение в XVIII в. слова «россияне», возможно, связано с тем, что данное слово в меньшей степени, чем слово «русские» коннотировалось с доимперским, московским пластом жизни. Новые подданные быстро превращались в россиян, при этом большинство из них сохраняло свою изначальную этническую принадлежность. Русскими они не становились, в XVIII в. лояльность вовсе не обязательно должна была сопровождаться переходом в православие и признанием и объявлением себя русским человеком.

Величайший триумф Российской империи в XVIII в., дворянской по своей социальной сути, породил убеждение достаточно справедливое в ту пору о беспрепятственной возможности включения в правящее сословие знатных людей различного этнического происхождения и разных вероисповеданий и конфессий.

В то же время в XVIII и особенно в начале XIX в. была некоторая трудно уловимая грань в словоупотреблении. Можно было сказать «русский мужик» и не говорилось «российский мужик», в принципе можно найти словосочетание «российский солдат», но гораздо чаще говорилось «русский солдат». Все, что было связано с народом, было русским. А война 1812 г. сблизила сословия, заставила ощутить их кровную взаимозависимость².

В 1812 г. в личных письмах слово «русские» стало гораздо чаще употребляться по сравнению с довоенным периодом. И обрело некоторые новые нюансировки, казалось бы, неизменного значения.

Не в воззвании, не в рескрипте, а в личном письме со всей определенностью и категоричностью о новом значении русскости писал министр полиции А. Балашов генерал-губернатору Москвы графу Ростопчину вскоре после начала

---

¹ См. Казакамп, 2014. С. 95-96, 115.

² О близости быта офицера и солдата, о глубоком взаимопроникновении Москвы и глубинки в ту эпоху писал Ю. Лотман [2015. С. 489-495].

войны: «Обращается Е(го) В(еличество — Е.К.) к сердцу России, древней столице русской, Москве, где начальник русский, и государь вряд ли в своей свите будет иметь кого-либо, кроме русских. Но я быв в душе и сердце таковым, надеюсь, что меня возьмут» [Дубровин, 2006. С. 46].

Непревзойденное чувство языка, смены его нюансов, передававших определенную смену и политических, и национальных ориентаций отличало А.С. Пушкина. Его произведения позволяют зафиксировать тот семантический переход, который совершился во время и после войны 1812 г.

Слова «россиянин», «россиянка» употреблялись и после войны 1812 г., но вытеснялись словами «русский», «русская».

Если слово «российский» указывало, прежде всего, на принадлежность к стране, к империи, как и слово «россияне», то словом «русский» обозначали особый склад мыслей и даже особый образ жизни. А. Чарторижский, в 1804–1807 гг. являвшийся министром иностранных дел России, не при каких обстоятельствах не сказал бы про себя, что он русский. Отделяя себя от своих, казалось бы, единомышленников, он четко определял и ощущал существовавший водораздел и, характеризуя его, использовал именно слово «русский», так как в отличие от слов «российский», «россияне» в нем не было определенной двусмысленности: *«Хотя я был близко связан с моими товарищами по Неофициальному комитету, — писал в своих воспоминаниях бывший российский министр иностранных дел, — но все же не мог вполне им довериться: их чувства, их постоянно проявлявшийся чисто русский образ мыслей слишком отличались от того, что происходило в глубине моей души...»* [Чарторижский, 2010. С. 214].

Если слова «россияне», «российский» тяготели к значению «имперский», то слово «русский» подразумевало и указывало на связь с жизнью простого народа. Невысокого ранга чиновник, собиратель сказаний И.П. Сахаров, отделял прочие сословия от «русского народа». Во введении к своей книге «Сказания русского народа», изданной в 1835 г., он писал: *«Тайные сказания русского народа всегда существовали в одной семейной жизни и никогда не были мнением общественным, мнением всех сословий народа»* [Сказания русского народа..., 1835. С. 1].

Далее И.П. Сахаров развивал свою мысль, подчеркивая отдельность умственного существования русского народа от интересов и представлений

образованных, имущих слоев населения: *«Русское кудесничество мы представляем так, как оно обращается в устах народных, без перемены понятий и слов. Соблюдая это, мы сохраним, так сказать, словесность простолюдиновъ, неизменный глагол многих веков, глас людей, отдаленных и понятиями и поверьями от нашей жизни»* [Сказания русского народа..., 1835. С. 32].

Парадокс исторического существования нашей российской нации в том, что ее внутренние расколы ее лучшие люди пытались преодолеть, порождая новые расколы и разделения. Будущие декабристы, в большинстве своем боевые офицеры, в патриотизме которых нельзя усомниться, создавали тайные политические организации, тем самым отграничивая себя от других лиц, которые не разделяли их воззрений. С декабристов началось формирование политической идентичности, обращенной не на другие страны и народы, а на свою страну.

Выступление декабристов явилось для высших слоев России, в том числе для императора Николая I, величайшим духовным потрясением. Их выступление зародило сомнения в неизменной верности дворянства престолу. Патриотизм простых русских людей столь ярко и мощно продемонстрированный в годы войны 1812 г., покорность, лишь очень редко нарушаемая выступлениями, к тому же под монархическими лозунгами, убеждали царя и его окружение, что у монархии имеется социальная опора, помимо дворянства.

В день казни пятерых декабристов 13 июля 1826 г. император издал манифест. Это был идеологический документ, значимый не только для всего периода царствования Николая I, но и для последующих эпох. Продуманная апология самодержавия возвещалась *úrbi et órbi*. Николай I искренне верил в то, о чем говорилось в манифесте: *«В государстве, где любовь к монархам и преданность престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении отверженные общим негодованием они сокрушатся силою закона. В сем положении государственного состава каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и спокойный в настоящем может прозирать с надеждою в будущее. Не от дерзновенных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершаются*

постепенно отечественные установления... исправляются злоупотребления» [Цит. по: Цимбаев, 1989. С. 8].

С декабристов начинается идеологическая дифференциация российского общества и, соответственно, движение в плане формирования различий в политической самоидентификации. Бинарная, простая схема усложнялась, деление на «мы — россияне, мы — русские» и «все остальные», то есть «они», дополнялось разделением уже внутри «мы». В среде ключевого элемента общества, в среде дворян появились «злонамеренные», наделенные разрушительными, «дерзновенными мечтаниями». В свою очередь инакомыслящие, «злонамеренные» двинутся к формулированию вопроса: «Кто виноват?» с тем, чтобы обнаружить ответ, указав на лица и социальные группы опять же среди русских.

Раскол имперского социума осуществляли не только революционеры, но и власть имущие. Исчезновение из употребления слова «россияне» предзнаменовало начало движения к поиску переориентации в плане социальной поддержки самодержавия и в то же время усиления национального идеологического компонента в ущерб общеимперскому.

Кризис империи неизбежно проявился и в кризисе имперского сознания, в определенной аберрации национальной политической идентичности.

Возникает проблема соотношения этнического и государственного. Для правящих кругов Российской империи середины XIX в. слово «русские» ассоциировалось с православием и верноподданством.

Исключительная значимость принадлежности к русским в глазах императора Александра II проявилась со всей очевидностью в первые мгновения после покушения на него Каракозова. Чудом избежавший гибели, так как выстрел был почти в упор, император, не отойдя от потрясения, спросил у стрелявшего: «Русский ли он и за что стрелял в него?» [Дневник П.А. Валуева..., 1961. С. 114]. В момент смертельной опасности человек не в состоянии играть роль, из его уст срываются слова, которые выдают сокровенные чувства и мысли. Почти вернувшись с того света, император озабочен вопросом, неужели русский мог покушаться на своего государя.

Промышленная революция началась в России позже, чем в Англии и Франции. Экономическое и технологическое отставание становилось все более

заметным к 50-м гг. XIX в. Ослабление империи, особенно явственно, больно и оскорбительно проявившееся во время Крымской войны, и одновременно поиск новой системы экономических отношений и новых социальных и идеологических основ самодержавия привели к реформам Александра II и Александра III. Оба императора стали вводить в тело империи элементы национального государства.

В семантике слова «русский», широко использовавшегося в официальных речах и документах, наметился сдвиг от значения *русский как общеимперский, как российский*, в сторону *русский как принадлежащий к русскому этносу*. Умный, высоко эрудированный киевский профессор, а затем министр финансов и председатель Кабинета министров Н.Х. Бунге писал о национально-политическом развороте Александра III: *«Император Александр III справедливо признал, что в русском государстве должны господствовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), русская народность, т.е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, русский язык, как общий государственный, и, наконец, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем»* [Цит. по: Волконский М.А., Муханов В.М., 2009. С. 105].

Но этот разворот был начат еще Александром II. Исключительно важная для дальнейшего развития страны земская реформа была проведена не на всей территории империи. Она не затронула территории, на которых не было помещичьего землевладения или имелось в очень незначительной степени: это Сибирь, Архангельская и Астраханская губернии, а также Средняя Азия. Также не распространили реформу на регионы, где основная часть помещиков не относилась к русскому этносу. Тем самым царь-реформатор внес юридически закрепленный раскол по этническому принципу в правящие классы, включая дворянство. В указе о введении в действие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» ни слова не говорилось об этнической исключительности, на привилегированные и непривилегированные поделили территории, как бы даже и не людей. Но те, кто оказались жителями непривилегированных, почувствовали себя ущемленными и посчитали это за признак сегрегационной политики царского правительства.

Правительство от повсеместной опоры на дворян вне зависимости от их вероисповедания и национальности постепенно переходило к ориентации на социальную поддержку после реформы 1861 г. лично свободного русского крестьянства, не отказываясь, конечно, от дворянства как главной социальной базы монархии. Разворот в сторону русских был обусловлен как потрясением от неудач реформистского курса в Польше, не предотвратившего восстания 1863–1864 гг., так и объединением Германии под руководством Пруссии с ее пангерманистским милитаристским духом.

Страна развивалась, ее новые и старые подданные из числа инородцев, несмотря на отход от последовательно имперской (в российском понимании империи) политики в сторону политики в духе национального государства в большинстве сохраняли лояльность в отношении российского государства, даже рождались новые идеологемы, работавшие на укрепление общероссийской идентичности, но сама форма самодержавия оказалась слишком несовершенной в условиях быстро менявшейся международной обстановки, появления новых вызовов, на которые бесконтрольная власть не смогла найти адекватные ответы. Высококвалифицированные бюрократы, появлявшиеся на самой вершине государственной иерархии, не могли изменить ситуации, в которой бесконтрольный монарх, к тому же не способный избавиться от пут придворных интриг, принимал решения, противоречившие интересам страны. Несбалансированность государственного устройства усугублялась наличием инородческих окраин, часть населения которых так и не восприняла российскую государственность как свою, а часть ранее сформированную лояльность утрачивала вследствие ошибок имперского правительства и, прежде всего, самого императора.

Саморазрушение империи сопровождалось и провоцировалось распадом политической идентичности ее подданных.

Большевикам после длительной неустанной работы по разрушению российской государственности и одновременно чувств и убеждений, связывавших интеллигентов, рабочих, солдат и крестьян с этим государством после победы в Октябрьской революции пришлось срочно выковывать новую политическую идентичность граждан РСФСР, а затем СССР. Триумф в 1941–1945 гг. и крах в 1990–1991 гг. советской идентичности — сюжет совершенно особый, до сих пор

отличающийся чрезвычайно высокой идеологизированностью, коснемся его только в одном ракурсе. Кризис СССР конца 80-х гг. ознаменовался подъемом национальных чувств, использованием их для достижения политических, не редко и экономических целей.

Значение национальной идентичности возросло практически во всех национальных республиках, исключением явились Россия и, пожалуй, Белоруссия. Данные Национального корпуса русского языка указывают, что во второй половине 80-х гг., в период перестройки употребление слова «русский» возросло отнюдь не скачкообразно, слово «российский» стало использоваться чуть чаще, чем в доперестроечный период, а слово «россиянин» вообще никто не вспоминал. Требования создания и укрепления уже имевшихся российских политических и общественных институтов (российской компартии, российской академии наук и т.д.) не базировались на массовых национальных чаяниях. Это были лозунги российских почвенников, которые частично были перехвачены российскими политиками, объявившими себя демократами. Русский вопрос (если не сказать более жестко, русская карта) был использован для избавления от СССР и обретения реальной власти Б.Н. Ельциным и его сподвижниками.

И был использован отнюдь не во благо русского народа. Сам же «русский вопрос», вне всякого сомнения, существовал. На съезде КПСС в 1990 г. он был сформулирован в своей трагической определенности в выступлении писателя из Смоленска Е.В. Максимова. Он сказал: *«У нас безжалостно отнимали все, что можно отнять: огородные сотки, сады, пасеки. У российских совхозов и колхозов отбирались заработанные рубли прибыли. Делалось это для того, чтобы лучше жили окраинные республики. И русская деревня, у которой отбирали все, которую гробили непосильным трудом, непосильными налогами, умирала без демонстраций, митингов, погромов, беженцев. И никогда не понадобятся русской деревне танки и бронетранспортеры»* [XXVIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза, 1991].

Е.В. Максимов выразил настроения, вне всякого сомнения, существовавшие на тот момент среди русских людей, особенно в провинции. Эти настроения послужили идейной и психологической основой для рождения «Декларации о государственном суверенитете РСФСР», документе, в значительной степени предопределившем распад СССР.

Что касается почвенников и близких к ним общественных деятелей, генералов и партийных бюрократов, они оказались в сложной и двусмысленной ситуации. Они были за возрождение России, они выступали в защиту интересов русского народа, и они же были за сохранение СССР, за социализм. 23 июля 1991 г. в газете «Советская Россия» было опубликовано «Слово к народу», трагическое, патетическое обращение, в котором не была обозначена ни одна политическая цель, которой можно было бы добиваться и к которой понятно было, как идти. Двойственность проявилась в первых же словах этого манифеста: *«Дорогие россияне! Граждане СССР!...»*. Если обращение «граждане СССР» имело четкий юридический и политический смысл и великое множество людей еще продолжали считать себя именно гражданами Советского Союза, то обращение «россияне» было новацией и ничто в сознании людей еще не коннотировалось с этим словом. Более того, это была новация, основанная на архаизме. В отличие от своих оппонентов Б.Н. Ельцин ставил перед собой совершенно конкретные политические цели. Он шел к реальной власти, превращая РСФСР, полуфиктивное административное образование, в полноценное государство. И слово «россияне» в его устах было обозначением граждан этого государства.

Когда намеченное свершилось: СССР был ликвидирован, РСФСР превратилась в государство Российская Федерация, было очень желательно, императивно желательно, чтобы у граждан этого нашего государства появилось общее наименование. Иного имени кроме как россияне не было. Но оно не приживалось. НКРЯ показывает редкое употребление этого слова в 90-е гг. И государство в лице президента стало настойчиво продвигать это слово.

Во всех своих посланиях к Федеральному собранию Б.Н. Ельцин использовал слово «россияне»: в 1994 г. — 8 раз, 1995 г. — 7, 1996 г. — 9, 1997 г. — 2, 1998 г. — 4, 1999 г. — 4. Результат проявился в 2000-е: слово вошло в обиход. Во всяком случае, в СМИ оно встречается постоянно и в самых разных контекстах. Но доказательств, что люди нашей страны и сами себя так называют, крайне мало.

Идентичность граждан Российской Федерации еще не часто обозначается с помощью слова «россияне». Иногда им пользуются интеллигенты, не русские по национальности, но для которых значимо не только то, что они являются гражданами России, но и их органическая связь с русской культурой.

При этом социологические опросы свидетельствуют о том, что российская гражданская идентичность сформировалась у большинства обитателей нашей страны. Так это следует из материалов Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [Российское общество..., 2017]. В рамках объемного исследования «Российское общество в 2017-м: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее» ставился вопрос и об идентичности россиян.

Таблица 2

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать «Это – мы»...	В целом	В значительной степени	В небольшой степени	Не ощущаю близости
Граждане России	92	61	31	8
Люди той же национальности	88	46	42	13
Земляки	90	55	35	10
Жители Вашего города, села	89	55	34	10
Люди того же достатка, что и Вы	81	35	46	19
Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	89	52	37	12
Люди той же профессии	81	37	44	19

Наличие российской идентичности «в небольшой степени» (а это 31%) может сопровождаться готовностью уехать из страны навсегда. Эмиграция образованных, предприимчивых, готовых рисковать людей — серьезная проблема для нашей страны¹. При этом, уехав, нельзя сказать, что они перестают интересоваться происходящим на Родине (в большинстве случаев бывшей). К примеру, анализ американских русскоязычных сайтов показывает, что бывшие наши сограждане активно обсуждают культурные события в России, сообщают друг другу о российских гастролях, вернисажах в Америке. Можно, вероятно, говорить о форме пассивной идентичности, затухающей, так как чаще всего она не переходит к детям, а внуки могут уже и русский язык знать плохо или вообще не знать.

Ответ — «не ощущаю близости» с другими гражданами России — по сути, означает, что человек живет в России как «посторонний» в духе «Постороннего» А. Камю. Но правильнее это мироощущение передавать простым русским словом

¹ См. об эмиграции из России: Кожокин, 2011. С. 2-19.

«пофигизм». Индивидам данной ориентации безразлично, как живут его сограждане, он сам по себе, у него есть свой микромир и ему этого достаточно. 8% по сути асоциальных личностей — значимое количество. Понятно, что о российской политической идентичности этих людей говорить не приходится.

Представляется, что, несмотря на обилие публикаций, посвященных идентичности, это понятие в качестве инструмента познания наших сущностных проблем мы только начинаем использовать.

Литература

XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 года: стенографический отчет. М.: Изд-во полит. литературы, 1991. URL: http://soveticus5.narod.ru/85/xxviii_1.htm

Волконский М.А., Муханов В.М. Россия на Кавказе. Пять веков истории. М.: Объединенная редакция МВД России, 2009. 488 с.

Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 592 с.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. 671 с.

Казекамп А. История Балтийских государств. Тарту: University of Tartu press, 2014. 398 с.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Чарторижский А. Воспоминания и письма. М.: Захаров, 2010. 592 с.

Кожокин Е.М. Европейский союз, Россия, СНГ: демографическое измерение // Международная жизнь. 2011. № 10. С. 2–19.

Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: АЗБУКА, 2015. 544 с.

Российское общество в 2017-м: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее: информационно-аналитический доклад. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2017. 82 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_2017.pdf

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русскія народныя игры, загадки, присловья и притчи. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1835. 398 с.

Смирнов П. Русская национальная идентичность как фактор победы в Великой Отечественной войне и проблемы ее укрепления в современной России. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2020/41807-russkaya-nacionalnaya-identichnost-kak-faktor-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-i-problemy-ee-ukrepleniya-v-sovremennoy-rossii.html

Цимбаев Н.И. «Под бременем познания и сомнения...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX. Люди и идеи. (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. 446 с.